

История Кроноцкого заповедника

[1739]

Местность под названием Кроноки была издавна заселена, что неудивительно, учитывая здешние богатые промысловые угодья. Камчадалов до прихода русских в меньшей степени интересовала пушнина: реки давали обильный улов красной рыбы — основного источника пищи древних обитателей Камчатки. Одним из первых русских естествоиспытателей, посетивших Кроноки, стал тогда еще студент Академии наук, штатный сотрудник Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга, Степан Крашенинников. Именно ему мы обязаны первыми достоверными сведениями о природе Кроноцкого заповедника, будущую территорию которого он пересек в марте 1739 года на собаках.

По свидетельству С.П. Крашенинникова, более двухсот лет назад камчадалы тщательно оберегали уникальный «пихтовый остров» вблизи Семячикского лимана, существующий и поныне: «Оной лес у камчадалов как заповедной хранится... Ибо уверены они преданием стариков своих, ...что всяк, кто б ни дерзнул им прикоснуться, бедственною смертию скончается».

Крашенинников представил первые сведения о термопроявлениях в этой местности. Долг натуралиста заставил его даже вернуться за сто верст, когда он узнал о существовании горячих источников в верховьях реки Семячик (тогда носившей название Шемечь), чтобы обследовать их: «На сей площади во многих местах горячей пар выходит с великим стремлением и шум воды клопочущей слышится».

Во времена Степана Крашенинникова путь Петропавловск — р. Жупанова — р. Березовая — Семячик — Камашки (ныне р. Шумная) — Кемшч (ныне кордон заповедника «Мыс Древних Стоянок») — Кроноки — р. Чажма и далее в Нижне-Камчатский острог был вполне обычным маршрутом местных жителей. Во всех указанных пунктах были относительно многочисленные камчадалские жилища. Имеется даже ясачный реестр, сколько каких «специалистов» было в том или другом камчадалском острожке. Так, например, в острожке Кроноки было шесть бобровщиков (промысловиков калана), восемь собольщиков, 30 лисичников. Как видно, уже тогда соболей было, если судить по количеству промысловиков, по крайней мере, в 4 раза меньше, чем лисиц. Сам Крашенинников пишет об этом так: «Когда Сибирское государство под Российскую державу приведено еще не было, но состояло под владением неверных народов, тогда по всей Сибири соболей было множество... Но ныне, где есть российские поселения, нет никакого соболиного промыслу».

В «Описании земли Камчатки» Георга Стеллера, «адъюнкта истории

натуральной» Второй Камчатской экспедиции, также есть неоднократные упоминания о некоторых объектах, входящих ныне в границы заповедника. Стеллер пишет о Кроноцком озере, причем дает на удивление точные его физико-географические характеристики, а также о том, что «существуют не только горячие ключи, но и целые районы дымящихся гор, горячих источников и теплых ручьев. Эти ключи отличаются по своей природе... в том смысле, что на их поверхности наблюдаются плавающие куски земляной смолы, или нефти. Местность эта раскинулась между мысами Кроноцким и Шипунским вблизи истоков реки, носящей название Шемьеч и впадающей в Восточный океан». Затем, несмотря на активное освоение русскими Камчатки, Америки, Курильских, Командорских и Алеутских островов и многочисленные изыскательские экспедиции, работавшие в этом секторе тихоокеанского бассейна, местность Кроноки почти на 100 лет выпала из летописного повествования.

Это вполне объяснимо, учитывая крайнюю степень труднодоступности района: населенных пунктов здесь нет и в наше время, а ближайшие из них отделены горными хребтами, порожистыми реками и скалистым побережьем, непригодным для остановки даже маломерных судов. Географические открытия на территории Кронок продолжались вплоть до середины прошлого века, когда, казалось, человек познал все тайны Земли.

[1851]

В 1850 году председатель Императорского минералогического общества Максимилиан Лейхтенбергский командировал в распоряжение губернатора Камчатки чиновника особых поручений Карла фон Дитмара, чтобы тот провел исследования по «горной части для нахождения ценных продуктов минерального царства». Дитмар предпринял несколько довольно продолжительных и тяжелых поездок по всему полуострову, в том числе проплыл на весельной лодке от Петропавловска до Усть-Камчатска. Он высаживался в Семячиках, в устье реки Кроноцкой на Кроноцком полуострове, пытался, но неудачно, пройти вверх по реке Кроноцкой к одноименному озеру.

Дитмар описывает уже совершенно иную картину заселения территории Кронок, нежели была при Крашенинникове. Его поражает полное безлюдье этой местности (по-видимому, вследствие эпидемии оспы, прокатившейся по Камчатке в 80-х годах 18 века). Кроноки Дитмар называет «очень медвежистым местом». Но самым интересным было проникновение Дитмара осенью 1854 года в окрестности Кронок со стороны долины реки Камчатки, через Валагинский хребет — его манило загадочное Кроноцкое озеро. Озера Дитмар так и не смог достичь, потому что вышел на маршрут поздно, когда

на вулканических долах в горной части заповедника уже выпал снег и лошади не могли передвигаться из-за бескормицы. Зато состоялось гораздо более интересное открытие: 3 сентября 1854 года он первым из европейцев попал в кальдеру вулкана Узон.

Надо сказать, что это открытие не было случайным. Дитмара сопровождал его давний знакомый камчадал Афанасий Чуркин. По его рассказам Дитмар уже был подготовлен ко встрече с Узоном: Чуркин в детстве жил в районе Семячиков и хорошо знал окрестности, в том числе навещался на термоплощадки вулкана Бурлящий и, по-видимому, в кальдеру Узона за самородной серой. Обратный путь Дитмара пролегал через уже известную Пихтовую рощу берегом Семячикского лимана, где он нашел только развалины часовни, школы и маяка.

[1880]

Другого «пассионария» — Бенедикта Дыбовского — занесло на Камчатку после 12 лет сибирской каторги за участие в антиправительственных беспорядках в Польше. Каторжный режим позволил деятельному Бенедикту Ивановичу еще в Сибири вступить в члены Русского географического общества (РГО) и приступить к работам по изучению фауны Прибайкалья, которые принесли ему славу ученого-первооткрывателя. Дыбовский, как и многие другие, был навечно пленен природой Сибири и образом жизни натуралиста-естествоиспытателя. После окончания ссылки для продолжения работ по зоогеографии Сибири летом 1879 года он прибыл на Камчатку в качестве окружного врача. Исполняя свои должностные обязанности, Дыбовский пять раз объехал полуостров на собачьих и оленьих упряжках, собирая попутно сведения о природе, быте и хозяйственной деятельности населения.

Человек талантливый и неравнодушный к жизни и проблемам Камчатки, Дыбовский в 1880 году настоял на регулировании соболиного промысла. Благодаря его усилиям впервые были установлены сезонные запретные сроки на соболиную охоту (с 1 марта по 15 октября). А в 1882 году официально утверждено ходатайство жителей Петропавловского округа, которое составил Дыбовский, об объявлении районов Кронок и Асачи заповедными для соболиного промысла. Таким образом, мы обязаны бывшему польскому революционеру учреждением одного из первых и крупнейших в России заповедников. Кроноцкий заповедник, наряду с Асачинским, объявлялся «запретным», т. е. исключал какое-либо проникновение на его территорию. Любопытно, что вплоть до конца 19 века на Руси существовал обычай церковного закрепления гражданских актов заповедания: «это делается торжественно: священник с образами или даже хоругвями, обходит его, при народе и старшинах, поют «Слава в вышних...» и запрещают въезд на

известное число лет».

[1894]

Карта заповедника пестрит именами первооткрывателей кроноцких земель: на территории заповедника есть вулкан, залив и небольшая река (оба — в бассейне Кроноцкого озера) Крашенинникова; есть вулкан Гаврилова, вулкан и река Комарова, конус Савича, вулкан Шмидта, вулкан Конради (участники экспедиции Рябушинского, в память которых названы и все 11 островов на Кроноцком озере).

[1908]

Трудно сказать, насколько ревностно исполнялся указ от 1882 года о заповедании Кронок, сведений об этом практически не осталось. Известны лишь изустные предания о «народном контроле» над его исполнением. Тогда граждане Российской империи, даже аборигены, относились к закону не так, как наши современники. «Теперь нет людей, знающих Кроноки, так как старики все вымерли, а современное поколение считает их запретным районом и совершенно там не бывает, опасаясь обвинения в истреблении соболя» — писал в 1909 году академик В.Л. Комаров, пытаясь подыскать проводников для экспедиции среди жителей сел Толбачик и Шапина. Впрочем, соблюдение заповеди о сохранении Пихтовой рощи (всего 22 га) в условиях острейшего дефицита строевого хвойного леса на всем восточном побережье Камчатки действительно достойно удивления.

Наступил мятежный и беспокойный 20 век, огромная страна все пристальнее смотрела на свои восточные окраины. Сюда одна за другой организовались научно-изыскательные экспедиции. В 1908–1910 годах на Камчатке работала комплексная экспедиция РГО, снаряженная на средства известного капиталиста из старообрядцев Ф.П. Рябушинского. По словам ее руководителя, ботаника В.Л. Комарова, «цель экспедиции была исключительно научная — возможно полное и всестороннее описание Камчатки». Эта экспедиция оставила очень значительный след в череде выдающихся географических предприятий наших соотечественников на Дальнем Востоке. Экспедиционные отряды работали в разных районах полуострова. Геологи во главе с С.А. Конради прошли все морское побережье Кронок, ботаники исследовали бассейн Кроноцкого озера, Узон и побережье Кроноцкого залива, зоологический отряд П.Ю. Шмидта также работал на Кроноцком озере. Геолог экспедиции Н.Г. Келль впервые составил детальную карту этой местности, провел описание и фотографирование почти всех вулканов.

[1911]

«Приюты русской природы» — называл заповедники один из идеологов

«чистого» заповедания А.П. Семенов-Тянь-Шанский. В начале века вопросы создания российских заповедников, «наподобие американских национальных парков», широко обсуждались, в том числе и в печати. При Императорском РГО был учрежден Комитет о заповедниках, изданы законодательные акты, детально регламентирующие процедуру создания и управления заповедниками. Однако, в связи с началом Первой мировой войны дальше законодательных инициатив дело организации «территорий, создаваемых для сбережения красот природы» не пошло.

Большой успех сопутствовал прагматикам от охраны природы, тем, кто занимался организацией заповедников в практических целях, а именно — для охраны наиболее ценных пушных зверей, прежде всего соболя. Резкое оскудение его запасов в начале 20 века заставило прибегнуть к повсеместному, в том числе и на Камчатке, запрету промысла, установленному с февраля 1913 года. Весной этого года А.А. Силантьев, возглавлявший петербургскую школу охотоведения, возникшую при Императорском лесном институте, представил «Проект обследования соболиных районов России в 1913–1915 гг.» Основной задачей проекта ставилось создание резерватов (заповедников) для соболя до истечения срока запрета охоты на него. Департамент земледелия поддержал этот проект и организовал три экспедиции, в том числе и на Камчатку, руководителем которой был назначен С.В. Керцелли, ранее работавший в Архангельской губернии. Тридцатого октября 1916 года издан указ № 304 ст. 2396 «Об установлении правил об охотничьих заповедниках». Однако после издания закона в Министерство земледелия было сделано представление только о Баргузинском соболином заповеднике.

[1917]

«Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется НАВСЕГДА» (Декрет «О социализации земли», ст. 1). Надо сказать, что несколько наивная и даже близорукая в отношении советской власти научная интеллигенция возлагала на этот проект большие, но не оправдавшиеся надежды, и в 20-е годы в отношении организации заповедников было переломано немало копий. Упразднилась комиссия по заповедникам при Императорском РГО, но продолжали свою работу теперь уже в советских учреждениях видные деятели науки и культуры, ратовавшие за сохранение природы в заповедниках. Разумеется, их лозунги тех времен носят отпечаток революционной стилистики: «Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения», — призывал в 1919 году все тот же А.П. Семенов-Тянь-Шанский. В 1922 году Г.Г. Доппелмаир — участник «соболиных» экспедиций царских времен — развивал идею о создании географической сети заповедников для сохранения особо ценных пушных

зверей, в которой значимое место принадлежало и Кроноцкому.

Эти идеи получили проектное подтверждение — в Наркомземе намечалось создание «прагматических» охотничьих заповедников: Воронежского, Кроноцкого и других, в дополнение к существовавшему Баргузинскому. В дальнейшем именно этот сугубо материалистический подход к природе начнет доминировать в советской системе заповедников. Об этом красноречиво свидетельствуют документы эпохи: «Необходимо пересмотреть все установки работы заповедников и их управления под углом зрения проведения в жизнь шести условий тов. Сталина, в частности, провести в работе заповедника принцип как внутреннего, так и внешнего хозрасчета». Следует признать, что именно при советской власти была создана та уникальная система заповедников, аналогов которой до сих пор нет в мире.

Организационная неустроенность революционного времени на охрану природы оказала, скорее, положительный эффект. О количестве соболя в Кроноках можно судить по случаю, описанному зоологом заповедника Ю.В. Авериним со слов старожилов почти четверть века спустя, когда охотник в один капкан за 18 ночей подряд поймал 18 соболей. Затем началось истощение популяции. За сезон 1925-1926 годов в низовьях реки Козлова три охотника поймали 90 соболей, а на следующий год уже несколько групп — только шесть. Поэтому решение об организации Кроноцкого заповедника, принятое Далькрайисполкомом в 1926 году, было более чем своевременным. Камчатский облисполком постановлением от 18 июля 1929 года определил его границы. К сожалению, ничего не известно о людях, которые были инициаторами этого решения.

[1920-1930-е]

В 1921 году камчатские охотники Трухин, Воронов и Скурихин нашли выход нефти в долине реки Богачевки. Самый предприимчивый из охотников, Т.С. Трухин, именем которого впоследствии даже был назван небольшой приток Богачевки, сделал заявку на это открытие, чем надолго привлек внимание геологов к теме камчатской нефти. В 1923 году экспедиция П.И. Полевого подтвердила наличие нефтяного месторождения, что послужило основанием для развертывания поисковых работ. В 1927 году месторождение было отдано в трехгодичную концессию Т.С. Трухину и Торговому дому «Братья Люри», на средства которого проводились геологические изыскания в долинах рек Ольги, Татьяны, Половинки, Тюшевки и, собственно, Богачевки. Исследования показали высокое качество и чрезвычайно своеобразный характер богачевской нефти: по цвету — светлая, как слабый чай, но с голубоватым оттенком; по степени жидкости близка к воде, с очень высокой испаряемостью и мгновенной воспламеняемостью. С 1930 года в Кроноках

начали работать большие экспедиции Нефтяного геолого-разведочного института.

Весной 1940 года по решению Наркомнефти организована Богачевская экспедиция в составе 70 человек для окончательного определения геологического строения месторождения. В конце сентября она высадилась в бухте Ольга. Проведена дорога к месту выхода нефти, построен аэродром, заложен рабочий поселок. На заповедных землях начались масштабные буровые работы.

В ходе геологических изысканий «попутно» открыты ледники Кроноцкого полуострова, которые сегодня входят в список уникальных природных объектов заповедника. Летом 1930 года сотрудник Дальгеотреста Н.И. Лазаренко обнаружил и сфотографировал современные глетчеры в верховьях рек Томского, Большой Чажмы илевой Тюшевки. В литературе эта информация впервые появилась лишь в 1935 году, уже после организации заповедника.

[1933]

В 1933 году известный вулканолог, один из основателей и первый директор Института вулканологии, Борис Иванович Пийп прошел маршрутом из Петропавловска-Камчатского в кальдеру вулкана Узон для подробного геологического и геохимического изучения его термопроявлений. Большой энтузиаст науки, влюбленный в Камчатку, оставил очень эмоциональное свидетельство своих впечатлений: «Здесь восхитительно до безумия... Очень пологим подъемом по долу подошли к валу кальдеры Узона. Опять меня взбудоражил до глубины души этот неопишимо прекрасный вид кальдеры... Взошла луна и осветила наши палатки и костер. Чудный вид имело все это на фоне темно-синих стен кальдеры и озер, сверкающих серебром... Когда мы собирались ехать сюда, люди, уже бывшие здесь, говорили, что мы едем в самые красивые места Камчатки. Действительно, теперь я и сам убежден в этом: здесь сейчас нет сентября, нет лета, нет осени — здесь сейчас рай. Лучшего нет в мире... Утром пили чай и я, вместо разговора, безмолвно созерцал эти сопки. Покой и радость на душе».

Кроме эмоций, Б.И. Пийп приводит интересное описание того, что происходило на Нижнесемячских ключах, которые к тому времени еще не входили в территорию заповедника. Термальные ключи широко использовались местным, видимо, уже только пришлым — русским — населением. Во времена посещения Пийпом Горячих ключей, как стала эта местность называться в заповеднике, здесь располагалось с десятков землянок, «людей оказалось здесь много — это был буквально курорт, а не дикие горячие источники».

Б.И. Пийп, как и его предшественники Дитмар и Комаров, не подозревал, что находился вблизи от еще одного уникального геологического феномена — Долины гейзеров. Узон казался для всех исследователей столь привлекательным объектом, что ни о чем более они и не могли даже мечтать. По свидетельству его друзей, впоследствии Борис Иванович с большим огорчением вспоминал, что от открытия его отделял всего один дневной переход. Долина словно ждала своего собственного первооткрывателя и чужаков не принимала.

[1934]

По результатам обследования территории Кронок специальной экспедицией Дальзаготпушнины, 1 ноября 1934 года Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление о признании Кроноцкого соболиного заповедника государственным заповедником общесоюзного значения. Эта дата считается официальной датой образования заповедника. Первым руководителем его был Филипп Георгиевич Петров, который возглавлял заповедник почти четыре года. Первые научные сотрудники появились в штате спустя несколько лет — сначала охотовед В.Т. Гаврилов, затем Ю.В. Аверин и Т.И. Устинова, которые переехали сюда из Ильменского заповедника. Быт первых сотрудников отличался от современного: важной частью хозяйственной работы оставалось самообеспечение — заготовка дров, сена, рыбы. Основными средствами передвижения летом были лошади, зимой — собаки. В штате заповедника были такие должности, как каюр, конюх, скотницы-доярки, продавцы, кузнецы; в лесоохране должность именовалась «егерь-наблюдатель».

[1938]

До 1938 года заповедник был подчинен органам охотничьего хозяйства, затем перешел в ведение Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК. Ценность выбранного для охраны участка увеличивалась тем, что к середине 30-х годов он оставался практически не затронутым хозяйственной деятельностью. Последствия охотничьего промысла прежних лет были мало ощутимы, даже соболя, основного объекта заповедания, местами оставалось еще много. В конце 50-х годов Ю.В. Аверин, основываясь на опыте работы в заповеднике в первые годы его существования, специально подчеркивал, что природа его «первобытная, дикая, звери непуганые».[1939-1941]

Последняя довоенная пятилетка была для заповедника наиболее плодотворной в плане научно исследовательских работ, что, конечно, связано с энтузиазмом молодых советских ученых — Ю.В. Аверина и Т.И. Устиновой (зачислены в штат приказом № 16 по Главуправлению по

заповедникам, заказникам и зоосадам при СНК РСФСР от 15.05.1940 г.).

В эти годы проведено полное описание территории, фауны и флоры и даже сделан ряд выдающихся открытий, наиболее ярким из которых, безусловно, является открытие в 1941 году Долины гейзеров. Первый научный сотрудник заповедника В.Т. Гаврилов во время полевых исследований зимой 1940-1941 года открыл на территории заповедника пять неизвестных до того времени вулканов Гамченской группы, один из которых был назван его именем.

[1941]

С октября 1941 по октябрь 1945 года директором заповедника был В.М. Элеш, участник борьбы за советскую власть на Дальнем Востоке. Он вспоминает эти тяжелые для всей страны годы в самых радужных красках: «Работать было легко и приятно... Небольшой сплоченный коллектив состоял из опытных охотников, плотников, слесарей, научных работников. В первый же год в заповеднике был построен жилой дом, кордоны в Богачевке и в устье Шумной, баня, скотный двор». Однако, Элеш не писал о том, что в 1945 году Богачевской нефтеразведочной партии был передан участок заповедника в 115 тыс. га с разрешением рубки 600 м³ леса ежегодно «при соблюдении основных правил заповедности», будто такое возможно.

В годы войны не прекращались полевые исследования и охрана территории, велась хозяйственная деятельность и обустройство. В 1944 году собирали средства на эскадрилью «Советские заповедники». Вообще, надо сказать, что в годы войны ни один заповедник в СССР не был закрыт или сокращен в площади.

Ю.В. Аверин во время войны работал над изучением экологии промысловых зверей заповедника в связи с перестройкой научной тематики на обеспечение прямых нужд народного хозяйства, а также как замдиректора занимался административно-хозяйственной деятельностью, что отвлекало его от научных исследований. Только в 1948 году вышла его монография «Наземные позвоночные Восточной Камчатки». Это был первый выпуск «Трудов Кроноцкого государственного заповедника».

На детальной и вполне современной карте Камчатки Н.Г. Келля, опубликованной в 1926 году, есть существенная неточность, касающаяся как раз территории Кронок: исток реки Тихой указан в кальдере вулкана Узон. На самом деле Тихая, одна из немногих рек заповедника типично равнинного характера, берет начало из небольшого лесного озера в предгорьях вулкана Кихпинич, т. е. в совершенно другом месте. План научных исследований заповедника на 1941 год предписывал геологу Т.И. Устиновой выяснить месторасположение истоков рек Шумной и Тихой. Так буднично началось путешествие к открытию, которое, смело можно сказать, перевернуло всю

жизнь Т.И. Устиновой и сделало ее знаменитой на весь мир. Вместе с проводником Анисифором Крупениным она проникла в ранее никем не исследованный каньон одного из притоков реки Шумной и обнаружила первые на территории Советского Союза гейзеры.

Поразительно, что почти в течение целого столетия, со времен экспедиции К. Дитмара, исследователи ходили вокруг да около Долины гейзеров, многие из них находились буквально в нескольких километрах. Но честь открытия выпала на долю упорной и мужественной женщины-ученого. Зимой, на собачьих упряжках и на широких охотничьих лыжах по глубокому снегу, ночуя в палатке, Татьяна Ивановна прошла более 60 километров от центральной усадьбы заповедника в бухте Ольга до реки Шумной. Здесь Устинова и Крупенин оставили собак и пошли по долине реки на лыжах. Открытие произошло вполне буднично, оно многократно описано: остановившись на привал, путники внезапно увидели струю кипятка, бившую из-под земли — так состоялся дебют гейзера Первенец для советской науки. Но природа не хотела отдавать столь долго хранимый секрет просто так: на обратном пути в Кроноки Устинова и Крупенин попали в пургу, едва не потеряли собак, чуть не обморозились, у них кончились продукты.

На фоне мировых потрясений открытие поначалу не возымело широкого резонанса. По материалам исследований только в 1946 году была опубликована статья «Гейзеры на Камчатке», после чего вышло еще 5 публикаций, а в 1955 году — монография «Камчатские гейзеры».

Анисифор Павлович Крупенин, бывший постоянным спутником Ю.В. Аверина и Т.И. Устиновой в походах по заповеднику, проработал в заповеднике с 1937 по 1950 год, вначале старшим наблюдателем, затем лаборантом-препаратором. После отъезда Аверина и Устиновой в сентябре 1946 года Крупенин замещал во время командировок и отпусков нового директора заповедника М.Г. Волкова: Крупенина директор заслуженно уважал. Волкову, в частности, принадлежит следующий приказ от 2 июля 1947 года: «Лаборанту Крупенину А.П., знатоку территории заповедника, отличному таежнику и деятельному помощнику научных сотрудников, в связи с исполнившимся 1-го июля с/г десятилетием работы в заповеднике объявляю благодарность и выделяю из имеющегося фонда сапоги и 15 метров материала, в том числе отрез сукна на костюм».

Крупенин был, безусловно, очень неординарной личностью. Его называли камчатским Дерсу Узала. Спустя почти 40 лет Татьяна Ивановна Устинова так вспоминала о нем: «Когда мы встретились, ему шел 28-й год... На редкость выносливый, неприхотливый, мужественный человек. Что ни попросишь — сделает. Из самой сложной обстановки найдет выход. Нет еды

— потерпит. Случалось, по неделе одним чаем питались. Как помощник в научных делах был безупречен. Путевые записи Крупенина отличались четкостью, были верны и аккуратны. Он все помнил, ничего не забывал. Все умел. Словом, был идеальным спутником и верным товарищем в походах. Я ему обязана жизнью не раз».

[1951]

«Дальнейшее существование заповедника нецелесообразно...»

Эпоха безответственных политических, социальных и экономических решений самым непосредственным образом коснулась заповедника: в 1951 году он был закрыт. Страна приближалась к «окончательной победе коммунизма», к созданию человека «нового типа», защищать от которого природные богатства было политической близорукостью. К тому же, на заповедной территории продолжала работать геологоразведочная партия, которая размещалась в большом поселке Богачевка, имела собственный аэродром прямо на Кроноцких тундрах и даже осуществляла хозяйственные рубки в заповеднике. В центральной части Богачевского месторождения пробурили 88 скважин. Славы открывателей нефтяного эльдорадо ее работники не получили, зато репутацию на безжалостных браконьеров заслужили на десятилетия. Плоды разгула «социалистической сознательности» видны в заповеднике до сих пор: даже за полстолетия буйная камчатская растительность не смогла справиться со следами деятельности геологической партии.

Ключевой предпосылкой к закрытию в начале 50-х годов целого ряда советских заповедников, включая Кроноцкий, была следующая идеологическая формула: «Этап пассивной охраны флоры и фауны пройден и продолжать так нельзя, когда вся страна, все отрасли народного хозяйства идут сейчас на активное вмешательство в природу. До сих пор заповедники брали аванс у государства, теперь же пора отдавать». Уместно вспомнить и слова Максима Горького, сказанные немного ранее, но по тому же поводу: «Нужно истребить тех врагов, которые стоят на нашей дороге, и взяться за основного древнего врага нашего — за борьбу с природой».

Формальной «зацепкой» явились выводы проверки комиссией Сельхозотдела ЦК ВКП(б) Главного управления по заповедникам от 1949 года. Комиссия оценила работу главка как неудовлетворительную, причем главным недостатком являлось уклонение от мичуринско-лысенковской тематики, которое по тем времена можно было квалифицировать как идеологическую диверсию, со всеми вытекающими последствиями.

Новый начальник Главного управления по заповедникам А.В. Малиновский, назначенный как раз для того, чтобы в нужном направлении проводить

линию партии, четко сформулировал, чего ждет партия и правительство от заповедников: «Заповедник должен быть такой лабораторией, которая действительно показывает, что можно сделать в природе под влиянием человека... Мы должны получить то, что интересно для народного хозяйства». Таким образом, все переворачивается с ног на голову — вместо того, чтобы служить эталоном того, какой природа должна быть без влияния человека, заповедники становятся полигоном для экспериментов над тем, что человек может с природой сотворить. Заповедники предлагалось сделать подсобными хозяйствами.

Итоговый документ на имя Сталина о «реорганизации» системы заповедников был подписан 13 декабря 1950 года. Постановление Совмина СССР № 3192 «О заповедниках» вышло 29 августа 1951 года. Многие советские и партийные, но, прежде всего, научные и культурные деятели выступили с возражениями. Имеются письма и телеграммы, решительно выступающие против закрытия Кроноцкого заповедника, но протесты не оказали никакого действия. Где-то в областных и столичных кабинетах уже рассчитывали объемы заготовок пушнины и деловой древесины...

[1957–1961]

Конец 50-х — начало 60-х годов характеризуется большим подъемом и оживлением научной общественности, в том числе и в сфере охраны природы. Отчасти это объяснимо волной разоблачений культа личности Сталина. В марте 1958 года состоялось Всесоюзное совещание по заповедникам. Принятая резолюция, насыщенная призывами к возвращению на «ленинские принципы» охраны природы, предлагала расширить географическую сеть заповедников и восстановить закрытые в начале 50-х годов. Сравнительно скоро, 1 июля 1959 года, Кроноцкий заповедник восстановили. Площадь заповедника увеличилась в два раза, почти достигнув современных размеров (961 тыс. га), в связи с чем центральная усадьба из Кронок перебазировалась на 100 км южнее — в поселок Жупаново. Штат наблюдателей и научных сотрудников насчитывал 30 человек. Впервые со времен существования заповедника в состав охраняемой территории были включены Пихтовая роща, Семячковский лиман и горный массив вулкана Большой Семячик.

В 1960 году принят закон «Об охране природы в РСФСР», согласно которому «территории заповедников навечно изымаются из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительских целях». Но не прошло и года, как всем стало понятно, что значит «навечно» в понимании руководства страны развитого социализма: едва открытый Кроноцкий заповедник вновь был ликвидирован в 1961 году.

Если закрытие заповедника в 1951 году лишь смутно ассоциируется с

личностью Сталина, то события 1961 года непосредственно связаны с другим советским вождем — Н.С. Хрущевым. Формальным поводом для ликвидации большого числа заповедников, как это часто бывало в советской системе управления, стал курьез. На пленуме ЦК КПСС 1961 года Хрущев сказал, что недавно видел документальный фильм о заповеднике. «Картина очень хорошо сделана. Там показано, как пышущий здоровьем человек... лежит на камне и наблюдает в бинокль, как белка грызет орехи... Это, наверное, был ученый... Что это за заповедник? Это заповедник для тех, кто в нем живет. Ведь если бы этих людей там не было, белка все равно грызла бы орехи. Ей-то безразлично, есть там ученый или нет. Но разница в том, что она там грызет теперь орехи под наблюдением ученого, а ученый за это деньги получает и хорошие деньги (веселое оживление в зале). Надо навести порядок в этом деле». Порядок был наведен: постановлением Совмина СССР «от 10 июня 1961 г. № 521 заповедник был закрыт, как «надуманное» дело.

[1967]

Вновь заповедными Кроноки стали в январе 1967 года. На этот раз решающую роль в восстановлении режима сыграло ходатайство Второго Всесоюзного вулканологического совещания — довольно редкий случай, когда на судьбу заповедника повлияла необходимость сохранения объектов неживой природы. Видимо, развернувшаяся на территории заповедника «народно-хозяйственная» деятельность приняла такие масштабы, что ученые даже за вулканы испугались.

Первым директором восстановленного заповедника назначили Н.Б. Зорина, который проработал до 1971 года. Заповедник получил тяжелое наследство: в этот период на его территории активно функционировал Всесоюзный туристический маршрут, велись обширные изыскательские работы Ленгидропроекта на реке Кроноцкой с целью обосновать строительство гидроэлектростанции, был расквартирован «ограниченный», но хорошо вооруженный контингент: части советской армии, погранзаставы, несколько метеостанций, сейсмостанция, маяк. С этими сторонними организациями приходилось бороться, отстаивая заповедный режим и наказывая браконьеров.

[1970-е]

С 1971 года директором заповедника был В.Н. Савинов, который проработал в этой должности 13 лет. При нем произошли наиболее заметные успехи в природоохранной и научно-исследовательской деятельности. Был расширен штат охраны и научного отдела. Заповедник обустроили системой кордонов и проходных избушек, провели лесоустройство территории.

Как административная единица прекратил свое существование поселок

Жупаново со всей инфраструктурой, в связи с чем администрация и научный отдел в 1977 году переехали в город Елизово, в 160 км от южной границы заповедника. В Елизово был возведен административный корпус с музеем. Из транспортных средств на территории заповедника имелись лошади, три автомашины, трактор, снегоходы (заменившие ездовых собак), мотоциклы, моторные лодки. Заброску работников, завоз ГСМ, стройматериалов и продуктов, оказание срочной медицинской помощи осуществляли вертолетами.

Именно в этот период сложился костяк научного отдела заповедника, который в этом составе проработал почти 30 лет. С «материка», из университетов приехали молодые кадры: А.П. Никаноров, Л.И. Рассохина, Е.Г. и Л.Е. Лобковы, В.И. Мосолов, А.П. Кононов, Е.В. Рассказов и другие, многие из которых продолжают трудиться в заповеднике до сих пор. Отдельно нужно сказать об А.Т. Науменко — бессменном в течение 23 лет заместителе директора по науке. Благодаря его усилиям территорию заповедника увеличили и придали ей статус биосферного резервата. Науменко начал работы по включению заповедника в список объектов Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, при нем активно создавался научный фонд, музей, архивы и научная библиотека.

Географические открытия в заповеднике продолжались: в 1975 году в верховьях реки Гейзерной была открыта Долина смерти — небольшой участок реки с мощными выходами сероводорода. В тихую безветренную погоду в долине скапливается газ в концентрациях, смертельных для животных. Первооткрыватели Долины смерти обнаружили здесь несколько погибших медведей, лис, мышей, воронов.

[1980-е]

Роль заповедников в советское время заключалась не только в сохранении природы, но и в сбережении представителей научной интеллигенции, которой удалось пережить в отдаленных регионах самые трудные годы сталинских репрессий и мучительно беспросветные времена застоя. В эти годы территория Кронок стала заповедником не только для дикой природы. Многие творческие личности, не нашедшие применения своим талантам в полицейско-бюрократическом государстве, нашли приют на кордонах заповедника. Стиль жизни и работы в заповеднике был очень специфичным, даже уникальным, учитывая отдаленность и труднодоступность территории, где, как выразился один из высокопоставленных посетителей, «люди дичают». Бытует рассказ о том, как побывавший в заповеднике видный советский руководитель сказал: «Здесь могут работать или энтузиасты, или те, кто не в себе».

Духовный голод удовлетворялся общением между людьми. В эти годы штат

заповедника, особенно его научный отдел, был самым многочисленным и молодым по составу и находился на интеллектуальном подъеме. Пик деловой активности пришелся на годы руководства С.А. Алексеева, который проработал директором 13 лет: с 1985 по 1998 год. Заповедник в этот период заметно увеличился за счет присоединения Никольских ельников площадью 43 тыс. га в долине реки Камчатки и был включен в список объектов Всемирного природного наследия ЮНЕСКО в номинации «Вулканы Камчатки». В 1985 году заповеднику присвоили статус биосферного: он стал «строго охраняемой естественной территорией наиболее типичных биотических регионов Земли, образующих в совокупности мировую сеть эталонов биосферы». В это время задумывались и осуществлялись интересные научные исследования и полевые эксперименты. Для нужд работников охраны и научных сотрудников построили более 30 новых добротных кордонов и переходных избушек.

[1990-е]

«Приказано выжить!»

Герои советского фильма с таким названием защищали Родину. Что защищали сотрудники заповедника в те годы, когда почти как во время войны в стране была введена карточная система, а на месячную зарплату научного работника можно было купить полкило колбасы? Будет ли пафосом сказать, что природу?

Демократическая Россия в деле сохранения собственной природы вернулась то ли к «шести принципам тов. Сталина», то ли к прагматизму Хрущева: заповедникам приказано... нет, не выжить — зарабатывать деньги на том, что они поставлены сохранить. В эти годы в заповедник ринулись толпы туристов, в том числе под видом научных экспедиций, обменов научным опытом и кадрами... В Долине гейзеров бывали дни, когда очередной прилетевший вертолет не мог сесть и налетывал круги поблизости, ожидая освобождения места для посадки.

После открытия «железного занавеса» в заповедник приезжали многочисленные зарубежные экспедиции, почти каждый год, иногда даже одновременно, снимались несколько фильмов о природе. Надо отметить, что все фильмы, снятые в заповеднике, сделаны с большой теплотой к дикой природе.

Одним из энтузиастов того времени, заражающих идеей заповедного дела, был Виталий Александрович Николаенко. Он проработал в заповеднике 33 года — рекорд заповедного стажа — начав трудовую деятельность с должности лесника в Долине гейзеров. Не имея специального биологического образования, Виталий, благодаря своему горячему

стремлению к познанию и неумной энергии, стал всемирно известным специалистом по бурому медведю и фотографом-анималистом. Подводя итоги своего творчества и работы, он писал, что двадцать лет отдал «постижению загадок медвежьей жизни». В декабре 2003 года Виталий погиб на маршруте с фотоаппаратом в руках.

[2000-2019]

Первое десятилетие 21-ого века ознаменовалось сменой нескольких директоров и, в целом, кадровой текучкой, хотя некоторые корифеи заповедного дела, приехавшие на Камчатку в 1970-х годах по-прежнему оставались верны заповеднику. Шлейф разрухи 1990-х чувствовался во всех направлениях работы заповедника: скудное финансирование не позволяло полномасштабно вести антибраконьерскую и научную работу, туризм в заповеднике шел по старой колее, минуя принципы экологической устойчивости и познавательности. Инфраструктура была в упадке, многие кордоны и полевые стационары совсем непригодны для работы.

В 2009 году на должность директора пришел Т.И. Шпиленок, представитель третьего поколения известной заповедной династии. За время его руководства – до 2016 года, заповедник сделал огромный рывок в развитии. Обновился штат, пришли молодые специалисты, создались условия для передачи опыта и преемственности поколений. Лучшая в своем деле антибраконьерская бригада, приглашенная в заповедник из Кавказского региона, за несколько лет сломала большую многоуровневую машину браконьерства. Обновилась инфраструктура, началась новая эра в развитии туризма – контролируемого, познавательного, экологичного.

Стартовали крупные научные проекты, наладилось сотрудничество с ведущими научно-исследовательскими институтами страны, стали выходить научные труды, монографии, атласы, каталоги, определители. Благодаря выступлениям сотрудников заповедника на крупных международных мероприятиях, о Кроноцком заповеднике заговорили в России и за рубежом. На ежегодных отраслевых совещаниях Кроноцкий стали ставить в пример другим заповедным территориям России.

Н
е
с
м
о
т
р
я

н
а